

Март_01

Interviewer

Подборка интересных интервью

Девид Финчер
режиссер

Микки Рорк
актер

Саймон Оксли
иллюстратор

Ракель Уотсон
бывшая проститутка

Имран Ахмед
основатель
The Business of Fashion

Рем Кулхас
архитектор

Имран Амед

Источник:

<http://www.lookatme.ru/flows/moda/posts/118417-imran-amed>

Создатель The Business of Fashion Имран Амед, 35-летний лондонец с канадскими корнями, хорошо понимает, что в наше время значит скорость. Не так давно появившийся Твиттер его сайта (twitter.com/_bof_) — один из самых интересных и оперативных Твиттеров, комментирующих показы, причем Имран ведет его сам.

— Расскажите, в чем идея сайта и с чего всё началось.

— В 2006 году, еще до того как фэшн-блоги стали очень популярными, кто-то заговорил со мной об этой новой медиаконцепции. Я, конечно же, знал, что такое блог, хотя особо за ними не следил. Фэшн-блоги раньше были такими онлайн-дневниками, в отличие от того, чем они являются сегодня. Я стал присматриваться к блогам, некоторые из них были просто отличными — помню, одним из первых, привлечших мое внимание, был блог Сьюзи Баббл, а еще я следил за Дианой Перне. Они были замечательными, но я всё время думал, что есть другая, гораздо более объемная часть модной индустрии, которую никогда никто не обсуждал. Я тогда (и сейчас) работал консультантом фэшн-компаний. Мне повезло в том плане, что я вижу, как модный бизнес работает изнутри. Я встречаюсь с огромным количеством потрясающих людей. И это не обязательно дизайнеры, модели или знаменитости. В основе своей Business of Fashion был задуман, чтобы показывать вот эту внутреннюю жизнь индустрии. Такие люди, как Натали Массне (Net-a-Porter.com), Джефферсон Хэк (Dazed Digital), Ник Нэйт (SHOWstudio.com), с которыми я делал интервью, — им нечасто приходится говорить о бизнес-стороне своей работы.

— Судя по всему, вас не очень волновало, насколько это будет интересно читателям, так как прежде всего это было интересно вам.

— Поначалу я вообще об этом не думал. Когда я только завел блог, у меня не было никакого плана. Тем более в то время еще не существовало известных блогов. А сейчас, мне кажется, многие создают блоги исключительно с целью сделать их популярными и потом монетизировать. Для меня блог был чем-то вроде рупора, и в основном я делал его для себя. В блоге я размышлял, анализировал, высказывал свои идеи, а об аудитории особенно не думал.

— А когда он сделался вашей полноценной работой?

— Он до сих пор ею не является. Я трачу на блог где-то 25 % своего времени. Что важно — в отличие от большинства журналистов мы в BoF не рассматриваем индустрию моды со стороны. Мы не журналисты, которым надо поговорить с десятью людьми, чтобы понять, что происходит. Мы уже работаем в индустрии и каждый день имеем дело с людьми, которые тоже там работают, занимаются бизнес-составляющей, создают коллекции, планируют стартапы. Отличает BoF от всего остального инсайдерская составляющая. Мы часто рассказываем про новые бизнес-модели, компании, дизайнеров раньше всех, потому что мы узнаем об этом первыми.

Мы все в модной индустрии работаем в очень интересное время. Думаю, что потом люди будут оглядываться на этот период и говорить: «Вот в этот момент всё изменилось»

Имран Амед разговаривает с фотографом Ником Найтом в рамках проекта Пионеры моды.

— Последнее время фэшн-индустрия стала привлекать очень широкую аудиторию. Появился журнал *Industrie*, стало больше интервью с инсайдерами, всем это вдруг сделалось интересно.

— Если честно, мне не кажется, что журнал *Industrie* читает среднестатистическая аудитория модных журналов. Если вы спросите человека на улице, то выяснится, что он об этом журнале ничего не знает. Но я согласен с тем, что за последние пять или десять лет благодаря реалити-ТВ, распространению темы моды в интернете и тому, что мода в принципе ассоциируется с индустрией роскоши, всё больше и больше людей хотят знать, как всё это работает. Много лет подряд модная индустрия была очень закрытой историей. Люди видели только конечный продукт, будь то вещь в магазине или фотография в журнале. Сейчас они понимают, что существует целый процесс — деловой и творческий, — который помогает работникам индустрии прийти к тому, что мы видим в итоге. И я думаю, что людей это искренне интересует. Впрочем, это относится к любой теме: всегда интересно открыть что-то и посмотреть, как оно устроено, правда?

— Есть такое мнение, что мода остается очень закрытым от посторонних миром, а вся ее мнимая открытость — это иллюзия.

— Я определенно считаю, что сейчас индустрия моды намного более открыта, чем раньше. Возьмите хоть Томми Тона: он отправляется на бэкстейдж, фотографирует там, при этом у него нет ни опыта, ни образования фотографа. Сьюзи Баббл или Брайан Бой сидят в первом ряду и высказывают собственную точку зрения на происходящее — такого не могло быть еще несколько лет назад. Бренды тратят куда больше времени и денег на свои сайты, показывая, что происходит за кулисами, разговаривая с людьми, которые осуществляют процесс, вместо того чтобы выпустить на публику официальных представителей — такого тоже не было несколько лет назад. Да, часть индустрии до сих пор остается абсолютно закрытой. Но то, что сейчас она стала куда доступнее, чем даже три года назад, — это совершенно точно.

— Ну вот лично вы когда узнали, что Карин Ройтфельд покидает французский Vogue? Вы знали об этом заранее?

— Нет, я обнаружил эту новость в Твиттере. При этом я довольно часто узнаю о том, о чем еще официально не объявлено. Но я не обязательно это афиширую. Все-таки я несу ответственность за то, какую информацию распространяю. У нас есть прямой доступ ко многому и доверительные отношения со многими людьми. Если я начну публиковать слухи или сливать информацию, я не только создам проблемы людям, но и нанесу вред самому себе, ведь тогда меня больше не подпустят ни к чему важному.

— Это должно быть сложно — разделить в себе инсайдера и журналиста.

Мне на самом деле не приходится разделять эти две составляющие, так как я не считаю себя журналистом. Я, скорее, позиционирую себя как хроникера, рассказчика, аналитика, который выражает свою точку зрения на происходящее. Мы и новости-то на самом деле не пишем. То, что мы представляем ежедневно в виде дайджеста, — это и есть наши условные новости. Есть множество других людей, которые передают новости и делают это очень хорошо. Мы же, со своей стороны, ведем разговор про новые идеи, провоцируем обсуждения, пытаемся рассказывать про людей, которые нам симпатичны. Вот в этом и заключается роль BoF.

— У вас есть свои любимчики среди инсайдеров моды? За кем вы следите больше всех?

— Лучший ответ на этот вопрос — посмотрите на тех, у кого мы берем интервью, про кого пишем, на серию «Пионеры моды». Мы очень тщательно отбираем людей, с которыми говорим: это всегда те, кто, во-первых, нас вдохновляет, а во-вторых, блестяще умеет делиться своими идеями. В общем, такие люди, как Джефферсон Хэк или Натали Массне, которых, думаю, многие назвали бы инсайдерами в моде, — за ними я всё время слежу. И мне кажется, что иногда они, в свою очередь, смотрят на меня и у нас начинается диалог о том, что происходит. Мы все в модной индустрии работаем в очень интересное время. Думаю, что потом люди будут оглядываться на этот период и говорить: «Вот в этот момент всё изменилось». И я считаю, мне повезло, что я делаю то, что делаю, именно сейчас, в медиуме, который я сам выбрал. Это же потрясающе! Я просто счастливчик.

— Вам еще повезло, что вы в этот момент оказались в Лондоне.

Да, это сейчас точно место силы.

◆

Еще четыре года назад лондонские показы задерживались на два часа, никто на них не приезжал из Америки и вообще о лондонских дизайнерах никто особо ничего не знал

— Что вы думаете о Лондонской неделе моды? Если я правильно понимаю, в нее за последние годы было вложено немало сил.

— Когда я начал работать в моде — это было около четырех с половиной лет назад, — показы на LFW задерживались на два часа, никто на них не приезжал из Америки и вообще о лондонских дизайнерах никто особо ничего не знал. Большинство считало, что тут и смотреть-то не на что. Мне кажется, что Британский модный совет колоссально потрудился, чтобы изменить это впечатление. Посмотрите хотя бы на то, какие редакторы приехали сюда сейчас. При этом еще много чего надо сделать. Мне кажется, что нам до сих пор не хватает бизнес-структуры, поддержки и капитала, чтобы выстраивать модную индустрию. На сегодняшний день реально крупные модные бизнесы, базирующиеся в Лондоне, — это Burberry (он самый большой) и Paul Smith, он тоже крупный, и большая его часть, что любопытно, находится в Японии. Но единственный британский бренд, который действительно носит глобальный характер и может по охвату состязаться с Louis Vuitton, Gucci или Ralph Lauren, — это Burberry. И если есть цель создать больше таких брендов, то нужно сильнее поддерживать индустрию. Тут речь идет, скорее, о расстановке приоритетов. Последнее время приоритет был за логистикой —

за ее реструктуризацией и организацией. Это необходимо, но тем не менее я надеюсь, что акцент сейчас сместится в сторону реальной поддержки бизнеса в Британии.

— А что вы думаете про показы? Последнее время они становятся более светскими, на них приходит всё больше знаменитостей, папарацци. Станут они более индустриальными или, наоборот, более театрализованными?

— Проблема сейчас в том, что показы существуют как комбинация этих двух составляющих. Фэшн-шоу превратились в клиентские события, оставшись при этом торговыми мероприятиями. Весь мир следит за Твиттером и за тем, что происходит на подиуме. Всё это действие вызывает желание, которое потребителю хочется удовлетворить прямо сейчас. Но прямо сейчас купить это платье невозможно! Одновременно тут же находятся люди, которые пытаются делать свою работу, — байеры, редакторы, фотографы. Так что с показами сейчас всё немного запуталось. Система перестала работать. Но это не может долго продолжаться. Показы до сих пор очень важны в том смысле, что ты видишь одежду в движении, материал. Также очень важно, что вся индустрия собирается вместе. Для меня, например, показы и то, что происходит перед ними, в равной степени значимо и интересно: перед началом шоу я успеваю со многими познакомиться и переговорить. В результате мне становятся ясны какие-то изменения, тенденции. И я вижу, что индустрии до сих пор необходимо, чтобы показы продолжались. Но существует и фрустрация по поводу проблемы потребления и того, как сделать так, чтобы новая система заработала.

Vurberry дает покупателям возможность заказывать вещи сразу после шоу.

Мне кажется, это очень интересно. Мой инстинкт подсказывает, что таким образом они вряд ли продают много, зато это

своеобразная информационная точка: компания лучше понимает, какие именно вещи нравятся покупателям. Они как бы получают образец будущего спроса и могут скорректировать производство и поставки в магазины в будущем.

Есть люди, которые зарабатывают не очень много, но при этом экономят, чтобы купить один продукт из категории «люкс», а есть люди с огромными средствами, которые ходят в Topshop, Zara или H&M

— Думаете, кто-то еще будет так делать?

— Определенно. Но одна из самых больших задач для любой марки — наладить канал поставок. Сейчас он так устроен, что тебе приходится ждать пять месяцев с момента заказа до момента, когда он к тебе придет. Burberry удалось превратить пять месяцев в 6–8 недель. У 99 % марок нет такой возможности. Требуется приложить много усилий, чтобы стать такими гибкими в том, что касается производства.

— А как сейчас ведут себя покупатели? Кто и что сейчас покупает?

— Главное, что изменилось за последние годы, — это конкуренция: она стала очень, очень острой. При этом покупатели, вне зависимости от того, сколько у них денег, теперь присутствуют на всех уровнях. Есть люди, которые зарабатывают не очень много, но при этом экономят, чтобы купить один продукт из категории «люкс», а есть люди с огромными средствами, которые ходят в Topshop, Zara или H&M, потому что там они находят что-то хорошее и получают это быстро. К тому же раньше для молодых существовал один тип одежды, для работающих людей — другой, для пожилых

— третий. Сейчас люди покупают вещи, ориентируясь лишь на собственный вкус. Посмотрите: только что на Matthew Williamson дизайнер обуви Шарлотт Олимпия сидела со своей матерью, Андреа Деллал. Они из разных поколений, но у них одинаковый подход. Их обеих можно представить в этой одежде. Люди делают покупки, исходя из личных предпочтений, стиля жизни, а они необязательно определяются возрастом. ♦

Ракель Пачеко

Источник:

<http://freshf5.f5.ru/post/340612>

Это мой свободный выбор

Ракель Пачеко стала самой известной блогером-проституткой в Бразилии. Книгу, основанную на ее постах, перевели на 12 языков и сняли по ней фильм. Мисс Пачеко разбогатела, бросила проституцию и вышла замуж.

Через пару дней после того, как она сбежала из дома зажиточных родителей, 17-летняя Ракель устроилась работать в бордель. Через несколько месяцев завела блог, где под псевдонимом Маленькая Серфингистка Бруна подробно описывала странности и прихоти своих клиентов, оценивая их достижения в постели по десятибалльной шкале. Неожиданно нехитрые трудовые отчеты Ракель взорвали бразильскую блогосферу, и в ее дневник жадно ринулось полстраны.

— Очень хорошо помню то чувство свободы, которое я ощутила после того, как завела блог и смогла наконец откровенно говорить о себе и своей работе... Чтобы быть принятыми обществом, девушки-проститутки предпочитают не признаваться в том, чем они занимаются. У них две жизни, одна — жизнь проститутки, другая — нормальная жизнь, придуманная, о которой они рассказывают окружающим. Большинство моих коллег держали свое занятие в строжайшем секрете. Многие были замужними женщинами с детьми, и никто среди их друзей или родных даже не догадывался, чем они занимаются. Самый большой страх проститутки — возможность разоблачения. Даже анонимность интернета от этого страха не спасает. Живут в постоянном ужасе...

— Но вы все же решились заговорить, потому что не могли держать все это в себе...

— Самое смешное, что вначале цель блога была очень простой и прагматичной: я хотела рекламировать свои услуги и привлекать новых клиентов...

Ракель оказалась талантливым блогером-проституткой. С первой же записи — еще и откровенным.

“Я старалась сфокусироваться на деньгах... Я ощущала запахи, испытывала ощущения, которые мне не хотелось испытывать...

Секс был хуже, чем просто механический. Люди всегда награждают себя чем-то, чтобы компенсировать неудачный день или неделю. Девушки, которые зарабатывают на сексе, не исключение. На первый заработок от проституции я купила себе мобильник. Так я чувствовала себя вознагражденной за каждый раз, когда превозмогала тошноту, чтобы не потерять клиента”. (Записи Ракель цитируются по ее книге “Сладкий яд скорпиона”; первоисточник — блог Маленькой Серфингистки Бруны — более недоступен для чтения.)

— Как вы сами объясняете бешеную популярность вашего блога?

— В момент его создания, в 2003 году, я была единственной бразильской проституткой, которая решилась описать сексуальные приключения и рассказать о своей каждодневной рутине. А еще я много, подробно и с удовольствием писала о сексе, а это, согласитесь, одна из самых интересных в мире тем. По моему блогу было видно, что я не соответствую стереотипному образу девушки по вызову, что я не несчастная жертва обстоятельств. И все сразу заинтересовались и захотели узнать, кто такая Маленькая Серфингистка Бруна. Свое первое интервью я дала журналисту Педро Дориа в августе 2004-го. Ракель сбежала от зажиточных родителей, когда атмосфера в доме давно уже превратилась в ад. Скандалы в школе,

клептомания, анорексия, попытка самоубийства — мисс Пачеко стремительно катилась в пропасть, и никто не мог ее остановить. Ракель удочерили младенцем; ощущение чужеродности в собственной семье было с ней всегда, как и чувство ненужности. Терпение приемных родителей иссякло, когда Ракель украла и продала дорогое кольцо матери. Отец рассвирепел настолько, что бил дочь три дня подряд.

“Не сказав ни слова, он начал меня бить. Кулаком, ладонью, всеми возможными способами. Я не помню, почему, но постепенно начали появляться какие-то родственники: сестры с друзьями, шурины. В общем, появились зрители. Отец дотащил меня до дивана и продолжал бить. Когда он устал, я умоляла его бить меня сильнее. Поскольку сама не смогла покончить с собой, это был мой шанс... Я легла спать, не переодевшись и не приняв душ. Он зашел в мою комнату, ударил меня по лицу и сказал: «Вот тебе еще»”.

— В книге вы пишете, что проституция была фактически единственным выбором для такой девушки, как вы. А пойти работать официанткой, например, вы не думали?

— Решив покинуть дом, я протудировала газету с объявлениями о работе и выбрала вакансии, которые показались мне интересными. После нескольких собеседований я бросила это дело — поняла, что шансов найти работу, отвечающую моим финансовым запросам, нет. В той же самой газете я нашла объявления, приглашающие на работу в публичные дома.

До этого я никогда даже и не помышляла о подобной профессии, мало того, у меня была куча предрассудков в отношении тех, кто торгует собственным телом. Но когда жить у родителей стало совсем невыносимо, я поняла, что нужно задвинуть все свои страхи подальше. Никакой ценности на рынке труда я не представляла. А работа в борделе могла дать доход, который бы позволил мне жить по тем стандартам, к которым я привыкла.

— И как вы туда шагнули?

— Я начала прокручивать в уме все самые ужасные ситуации, в которых смогу оказаться. И осознала, что готова их принять. Это было большим приключением и в то же время испытанием. Помогало и то, что я всегда осознавала: меня никто не заставляет, это мой свободный выбор. Надо сказать, я с удовольствием занялась этим бизнесом. Мне всегда нравился секс, и возможность зарабатывать на сексе деньги меня привлекала.

— В интервью газете The New York Times вы говорите, что большинство читателей книги, изданной на основе вашего блога, — женщины. Почему именно женщины, не задумывались?

— Раньше я считала, что женщин в принципе не может заинтересовать жизнь проститутки — с какой это стати им про меня читать? Начиная вести блог, я нацеливалась на мужчин, стараясь заинтересовать их как клиентов. Но вскоре подметила, что получаю много писем от представительниц слабого пола, — они читали меня, чтобы узнать, чем мужчины любят заниматься в постели.

Когда вышла моя книга, количество писем от женщин выросло до небес — многие просили совет, как разнообразить свою сексуальную жизнь, придать ей остроты. Я помогла женщинам преодолеть их страхи и стеснения, спросить о важных вещах, которые прежде они не мечтали произнести вслух.

— В литературе, кино, да и просто в жизни традиционен образ трагической проститутки, которая обречена на постепенную деградацию, отчаяние и дно. В вашем случае все наоборот: работа девушки по вызову принесла вам успех.

— Думаю, меня удерживало от падения то, что по натуре я

очень целеустремленная, крепко стою на земле и не теряю голову. Я точно знаю, чего хочу. Например, я всегда понимала, что работа проституткой временная, что я никогда не достигну того, о чем мечтаю, если буду заниматься этим делом слишком долго.

Хотя было во мне и все для того, чтобы успешно саморазрушиться. Я, как и многие проститутки, принимала наркотики. Но знала, как бороться с зависимостью, и вовремя остановилась.

В первый же день работы я определила для себя, что не хочу окончить жизнь в одиночестве, наедине с разбитыми надеждами, с единственным занятием — приносить удовольствие другим. Мои мечты о будущем — вот что придавало мне сил и позволило уйти из проституции даже раньше, чем я себе это представляла. Думаю, это одна из причин, по которым мой блог стал таким популярным: от него не тянуло за версту отчаянием и безнадежностью. Я не рекламировала работу проститутки, в чем многие меня обвиняют. Я просто сказала честно: это не самая прекрасная работа на земле, но она не хуже других, ее не нужно стыдиться, как не нужно стыдиться секса.

— Когда вы решили озвучить свое настоящее имя и из Бруны превратиться в Ракель Пачеко?

— Я сообщила, что работаю последний день, со всеми попрощалась и написала в конце поста: "Всех благ, Ракель". Я давно хотела озвучить свое настоящее имя, но хотела сделать это в особенный день — в день своего прощания с проституцией.

— Ваш первый блог стал историей — теперь его можно прочесть лишь на страницах книги. В новом блоге вы — примерная жена. Но и там продолжаете писать о сексе, и довольно откровенно.

— Да, и получаю негативных отзывов. Очень многие никак не простят мне того, что я могу быть счастливой, побывав проституткой, и что я не полна раскаяния и сожалений по этому поводу. Но наиболее бурную критику провоцирует фильм, снятый на основе событий моей жизни, премьера которого состоялась в Бразилии в 2011 году. Люди просто не могут смириться с фактом, что крупная кинокомпания сняла картину про бывшую проститутку!

— И все же — вы о чем-то сожалеете?

— Оглядываясь на свое прошлое, я понимаю, что все должно было быть так, как было. Я делала все, что хотела, несмотря на то что знала о последствиях. Я не могу себе представить, как могла бы поступить иначе. Если бы в 17 лет, убежав из дома и став проституткой, я точно знала, что меня ждет, я бы сделала то же самое. Просто потому, что такой уж я человек — если решу что-нибудь, то меня уже не остановишь. ♦

Аккаунты

naonaopara.virgula.uol.com.br/brunasurfistinha

raqpac.blogspot.com

en.wikipedia.org/wiki/Bruna_Surfistinha

brunasurfistinhaofilme.com

Спрашивала Елена Родина

Фотографировал Carol do Valle

Дэвид Финчер

Источник:

<http://www.lookatme.ru/flows/kino/posts/108589-pryamaya-rech-devid-fincher>

Дэвид Финчер, режиссер, клипмейкер. Создатель фильмов «Чужой 3», «Семь», «Игра», «Бойцовский клуб», «Комната страха», «Зодиак», «Загадочная история Бенджамина Баттона».

— О «Социальной сети»

— В интернете было много шума, когда мы анонсировали фильм. Казалось, что люди думали, что мы делаем сиквел «Сети». Я сам ничего не знал об истории Facebook. Я просто прочитал сценарий, где были человеческие истории, которым можно было сопереживать. Мне очень понравилось, и мы стали обсуждать, байопик ли это. Но в биографическом кино главный вопрос состоит в том, почему персонаж сделал то, что он сделал. Мне это было не интересно. Вместо этого мы сосредоточились на том, что именно сделали эти ребята, и мы могли наблюдать за этой историей с различных сторон.

— О правдоподобности

— Я не хотел мимикрировать под реальность. В каждом фильме есть чья-то точка зрения, чья-то перспектива. Конечно, Аарон и я тщательно изучили вопрос. И, поверьте, у нас были истории намного более грязные и странные для тех лиц, кто принимал в этом участие. Но мы решили их не показывать, потому что хотели сделать фильм о человеке, который сидит у себя в комнате, делает что-то и думает, что все вокруг получают от жизни больше удовольствия, чем он.

— О том, как начинался фильм

— Когда на студии прочитали сценарий «Социальной сети», никто не сказал, какой это классный сценарий, и что если я сниму его, они будут очень счастливы. Нет. Это была история о 20-летних ребятах в контексте жизни одного аутсайдера. Опасная в том плане, что все зависело от того, сработают ли эмоции актеров и будет ли людям интересно на это смотреть. Так что никто не сказал мне, что я могу тратить сколько хочу. Мы долго работали с бюджетом, собрали самых лучших актеров на роли, и дали им время понять и прочувствовать каждый нюанс истории. Я не мог снять «Социальную сеть» за 25 дней. В итоге я рассчитал, что съемки продлятся 72 дня, и это будет стоить 40 миллионов долларов вместо 25, которые хотела студия.

— О привычке снимать большое количество дублей

— Нужно дойти до того этапа, когда актер перестает показывать тебе свое представление о герое. Это классно, но надо сделать так, чтобы герой занял самое правильное место в пространстве. Если ты заходишь домой, кладешь сумку, берешь пиво из холодильника — это должно выглядеть так, как будто ты делал это тысячу раз. Не надо, конечно, делать это так много, 20-25 дублей вполне достаточно. И разговоры между друзьями, а особенно между близнецами, должны достигнуть того уровня, когда они заканчивают друг за другом предложения. Особенно, когда их играет один и тот же парень. Когда я снимаю, то в первую очередь смотрю, чтобы технически все выглядело правильно, потом, чтобы все это было достоверно, и, в конце концов, чтобы этому можно было сопереживать. Тильда Суинтон может сделать три дубля — и все будет отлично, но это редкость. Других ты должен выводить на этот уровень.

— О сценаристе Аароне Соркине

— «Эм, знаешь, то, что я хочу сказать тебе, Дэвид... Но я не уверен правильно ли это, но я должен. Это важно, и ты должен это услышать, потому что это много для меня значит. У меня уже заканчивается дыхание, но ты должен знать что-то. Я не могу вспомнить что это. Но что-то связанное с тем, что ты говорил раньше. С той штукой» — так и происходит разговор с Аароном. Именно поэтому у него получаются такие взрывные диалоги, которые похожи на агрессивное мышление вслух.

Я должен пойти и посмотреть «Космическую Одиссею 2001», тогда я буду готов к космическом путешествиям

— О том, как все началось

— Я начал серьезно жить только в 30. всю юность я работал по шесть дней в неделю, четырнадцать часов в день в «Industrial Light&Magic», потом в рекламе. А в 25 лет боролся за то, чтобы меня принимали всерьез. Пятнадцать лет ушло на то, чтобы пересечь ту черту, когда все, что ты хочешь сделать на площадке, работает. Все дело в том, что у тебя на площадке 90 людей. И когда к тебе подходят и спрашивают, что будем делать дальше, все вокруг в ужасе, никто ничего не знает. И именно режиссер, уверен он или нет, должен сказать так, чтобы это никто не оспаривал: вот это мы будем делать, и это будет правильно. В 40 лет это у меня получилось.

— О детской мечте

— Я хотел быть режиссером с самого детства. В 7 лет я увидел «Буч Кэссиди и Сандэнс Кид», и меня это поразило. Была осень 1967 года, и с тех пор моя жизнь изменилась. В третьем

и четвертом классе я брал уроки по кино. Потом в средней школе не было такой возможности, и я работал в кинотеатре, на местной телестанции, занимался фотографией. Мой отец обожал кино. Он тратил невероятное количество времени на кинотеатры, и на выходных мы всегда ходили в кино. В детстве я серьезнее относился к кино. Мне казалось, что фильмы готовят тебя к чему-то. Я должен пойти и посмотреть «Космическую Одиссею 2001», тогда я буду готов к космическим путешествиям.

— О влиянии среды

— Я рос в Марин-Каунти, пригороде Сан-Франциско, с 1965 по 1976 год. «ТНХ 1138», «Крестный отец», «Кандидат», «Вторжение похитителей тел», «Разговор», — все эти фильмы сняли там. Джордж Лукас был моим соседом через три дома. В нашем районе был большой камень, с которого открывался хороший вид, и мы забирались на него с друзьями и смотрели на большой белый дом Лукаса. Нам было по 12 лет. Помню, я

спросил друга Скотта, чем же занимается Джордж. Он ответил, что Лукас в Лондоне, готовится к новому фильму «The Star Wars». Тогда еще было с «the». И тут же друг Крис повернулся и переспросил: правда ли, что это опять научная фантастика, и неужели опыт «ТНХ 1138» его так ничему и не научил. Это было так круто — нам было 12 лет.

Все равно не получится сделать так, чтобы фильм понравился всем, и, да, возможно, я совершаю большую ошибку

— О первой работе в кино

— Я начал работать в проявочной Джона Корни, который делал анимационный фильм на деньги Джорджа Лукаса. Это был 1980 год. Там я занимался трэнзлайтами, полупрозрачной фотобумагой. Я разворачивал в темноте рулоны по полтора метра, прикреплял их к стене, а затем проявлял. Три или четыре минуты выдержки. Это была утомительная техническая работа. Мне нравилось, но она была связана с вонючими реагентами в темноте и продолжалась весь день без права на ошибку. Если с бумагой что-то шло не так — это стоило несколько тысяч долларов. Полгода я занимался именно этим, потом меня перевели в отдел анимации, где я таскал коробки и выполнял разные поручения. Это и был мой первый успех — зарабатывать три доллара в час в киноиндустрии.

— О прорыве

— Потом я переехал в Лос-Анджелес и тусовался с ребятами, которые закончили UCLA и делали свои собственные фильмы.

У них был дом, который они называли «Путь парней». Все работали над сценариями. Туда можно было прийти вечером в субботу, посмотреть два-три фильма и обсудить их. У каждого было свое мнение. Они были похожи на суперзадротский вариант «Кайе дю синема». Я переехал в Лос-Анджелес, чтобы начать снимать рекламу для ТВ. Снял одну, ее покрутили по трем каналам. И я стал интересен людям. Потом был музыкальный клип. Но все это я рассматривал как киношколу, за учебу в которой мне еще и платят.

— О музыкальном видео

— Я не знаю, что сейчас происходит с музыкальными клипами. Мне кажется, что этот жанр умирает. Но в мое время клипы было приятнее снимать, чем кино. Все было очень прямолинейно, в том смысле, что ты работал непосредственно с человеком, который за все это платил. Моя работа заключалась в том, что мне давали песню, я ее слушал, потом придумывал что-то. Делился идеей, и мне обычно отвечали, что все нравится, но может поменьше истории в клипе, ведь музыкант — это не актер, и вообще хочет только петь. У меня начинались этикие переговоры со звездой, только учитывая, что она-то за все это и платила. В итоге я научился, как соблазнять своего финансиста, хотя и не был особенно жестким.

— О современном поколении и кино

— Сегодня у каждого есть возможность снимать кино. Монтажные программы, камеры. Можно повесить свою работу на ютуб. Мой агент каждую неделю присылает мне ссылки на интересные видео. Типа, какой-то робот идет по центру Лос-Анджелеса. И это отлично. Может ли он снять полный метр? Не знаю, но роботы у него получились отличные. Пармаунту понравится. И люди делают такие вещи в своих подвалах. Я думаю, что у современного поколения молодых режиссеров есть большое количество возможностей делать то, что они хотят. В небольших масштабах. И возможно это повлияет на кино.

— Об экранизации трилогии «Миллениум» Стига Ларсона

— Три книги были проданы тиражом более 40 миллионов экземпляров. «Девушка с татуировкой дракона» — это настоящий феномен. Мне предложили сделать франшизу для взрослых, которая будет очень популярна. Кому-то показалось, что этот материал не разработан до конца, а для меня это как красная тряпка для разъяренного быка. В случае с «Девушкой с татуировкой дракона» источник написан на другом языке, и фильм уже даже есть. Так что моя главная задача — интерпретировать текст. Не картинку. Режиссеры не занимаются изображением, мы делаем так, чтобы зритель мог почувствовать в истории эмоциональный толчок. А это зависит от поведения героев, цвета, ритма, качества света, — все это очень важные вещи. Вы можете дать пяти различным режиссерам один и тот же сценарий, и они снимут пять разных фильмов. Но все равно не получится сделать так, чтобы фильм понравился всем, и, да, возможно, я совершаю большую ошибку. ♦

Фото для обложки: Жиль Декамп

Микки Рурк

Источник:

<http://esquire.ru/wil/mickey-rourke>

*58 лет, Актер, Беверли-Хиллз
Записал Кристофер Хёрд (Christopher Heard)
The GATE. Corbis Outline / RPG, East News.
Студия Артемия Лебедева.*

— У меня было все. И я все просрал.

— Девять лет назад, когда я продал и потерял все, что у меня было — и друзей, и мотоциклы — моя жена сказала мне: «Если я останусь с тобой, то снова начну жрать наркотики. Ты убиваешь меня своим непостоянством». Она была права. И она ушла. Я плакал как ребенок, умолял ее не уходить. Я даже отрезал себе мизинец, чтобы она не уходила. Я ходил по комнате, и кровь из меня хлестала, как из свиньи. Но смотрите — его пришили обратно!

— Мой психотерапевт однажды сказал мне: «Микки, ты ведь не в Средневековье живешь. Тебе не обязательно ходить всюду в доспехах и с кучей оружия».

— Я потерял дом, жену, доверие, окружение. Я потерял душу. Я остался один. Перестал звонить телефон. Я жил на 200 долларов в неделю. Впервые за много лет я стал сам ходить в супермаркет. Сейчас я привык к этому, но в первый раз, когда я оказался там, толкал эту долбанную тележку, пытался купить что-то на ужин... Очень часто я ходил в одну круглосуточную забегаловку, где торчали только геи — просто для того, чтобы никто не узнал меня.

— Я живу в Лос-Анджелесе, самом скучном городе на свете. Я ненавижу его, но знаю, что в Лондоне или Нью-Йорке мне бы точно сорвало голову.

— Лучше всего я чувствую себя с людьми улицы. Возьмите моего водителя. Я знаю его 15 лет. Перед тем, как он стал моим водителем, он ограбил банк. Потом восемь лет сидел в тюрьме. Вот какие люди мне нравятся!

— Очень долгое время все мои деньги уходили на психотерапевта. На этого мозгоправа уходило все! Первые два года я ходил к нему трижды в неделю. Потом я стал ходить к нему дважды в неделю. Теперь — только один раз. За шесть лет я пропустил всего две встречи.

— Детства у меня не было. Отчасти потому, что я работал практически всю жизнь. Ну и по другим причинам. Когда я впервые добился успеха, я себя почувствовал, как баллистическая ракета. Вот же оно, мое детство, вечеринка продолжается! Я ведь не слезал с мотоцикла целых десять лет.

— Что касается женщин, я уже давно прошел через такой период, когда ты не хочешь просыпаться рядом с ней утром и готов пристрелить себя за то, что остался с ней вечером. Больше я себе такого не позволяю. Мой дом теперь — это просто образцовый монастырь.

— Я люблю сниматься в кино, потому что здесь все зависит от тебя. Это не бизнес и не политика. Либо ты хороший актер, либо ты сосешь.

— Я понимаю собак гораздо лучше, чем людей. Когда отец Локи (чихуахуа Рурка — Esquire) умер, я был вне себя, я был в отчаянии. Я позвонил Отцу Питеру в Нью-Йорк, и он сказал: «Всех, кого ты любишь с такой силой, ты обязательно увидишь снова». И это было как раз то, что я хотел услышать.

— Я встречал Тупака (известный деятель хип-хопа, снявшийся вместе с Рурком в фильме «Пуля» — Esquire) много раз, и каждый раз это было очень забавно, потому что я редко встречал в своей жизни людей, которых действительно можно назвать плохими. А ведь я как раз из этой категории. Работать с Тупаком было здорово. Чертовски круто. Я смотрел на него и думал: «Да, этот ублюдок направит на меня пушку, спустит курок и не моргнет».

— Мне нравится Роберт Родригес. Он бесстрашен и он... кладет на все хуй. Я как-то сказал о нем: Роберт плавает в той воде, в которую еще никто не входил до него. Я уважаю это. А еще мне нравится его ковбойская шляпа.

— Люди все еще спрашивают меня про «9 с половиной недель». Совсем недавно, ко мне подошла одна девушка и говорит: «Это вы парень из того фильма?» Я говорю: «А тебе сколько лет-то?» Она говорит: «18». Я подумал и сказал: «Ну да, я этот парень». Наверное, я должен испытывать от этого какое-то удовольствие. Но те вещи, которые сделаны давным-давно, я стараюсь скорее отпустить от себя подальше. Каждый раз, когда кто-то упоминает о них, мне хочется сказать «Черт,

о какой херне мы говорим!» Что касается «9 с половиной недель», то всегда найдется какой-то чувак, который скажет мне: «Я клево потрахался под твоё кино». Или: «Одна девка тогда совершенно охренительно отсосала мне». Я слышал это не меньше 10 тысяч раз.

— Мои критерии женской красоты просты. Это как при покупке лошади: мне не нравятся тонкие шеи и короткие ноги.

— Спорт всегда доставлял мне больше удовольствия, чем кино. Я обожаю спорт. И я хочу успеть попробовать себя в чём-то новом раньше, чем по мне начнет скучать гериатрическое отделение. Боже, когда тебе за сорок, каким видом спорта ты можешь заняться? Рыбалкой, что ли?

— Я худший серфер в Калифорнии. Потому что мое умение держать равновесие идет из бокса.

— Однажды я вышел на ринг против одного ямайца (в начале 90х, уйдя из кино, Рурк занялся профессиональным боксом — Esquire). Дело было в Майами. Это был мой девятый бой, или типа того. Чувак был как сталь. Я помню, что в первом раунде дал ему со всей силы правой, а он даже не моргнул. Я подумал: «Вот черт, вечер будет длинным». Но у меня было преимущество — я был дома. Помню, что в пятом раунде я плюхнулся в свой угол, и тренер сказал мне: «Черт возьми, тебе лучше вернуться в кино!» Потом он дал мне затрещину и добавил: «Иди и выруби его на хрен». Я практически сделал это. Но до сих пор не могу поверить, что тренер действительно сказал такую штуку.

— У меня был чертовски долгий путь назад. Когда вы сидите на скамейке запасных целых десять лет — так, как сидел я — вам становится стыдно даже вполголоса сказать кому-то о своем возвращении. Я часто слышу: «У Траволты было громкое возвращение». Да, конечно — он же не буйнил 15 лет подряд. Его встречали с распростертыми объятиями.

— Мне всегда казалось, что я должен достигнуть высот в чем-то очень специальном. Например, в банковских ограблениях.

— Те сцены в кино, где нужно драться или прыгать — самые сложные. Так что каждый раз, когда есть парень, готовый меня подменить, я предпочитаю заплатить деньги ему.

— Я изменился. Но внутри меня есть что-то, что не изменится никогда. И если я на секунду ослаблю хоть одну пуговицу, ад вырвется из меня наружу.

— У меня больше не будет шансов. Такие дела. Если я проебу свой шанс и на этот раз, мне останется только прыгнуть с самого высокого балкона. Люди часто спрашивают меня: «Какой из ваших фильмов вы считаете самым лучшим?» А я отвечаю им: «Эй, ублюдки, я свое лучшее кино еще не сделал!»

— Между Тупаком и мной было много общего. Даже несмотря на то, что мы чертовски разные. Я не из мира хип-хопа, он

не ездит на Харлее. То, что нас объединяет — это наше воспитание.

— Бокс здорово повлиял на мой внешний вид. Когда нужно было чинить мой нос, этим докторам пришлось взять хрящ из моего уха, потому что в моем носу уже просто ничего не осталось.

— У меня шесть маленьких собак: Локи, Шоколадка, Сумасшедшая Красотка, Рубиновая Красотка, Чернушка и Челюсти. Конечно, я не похож на любителя маленьких собачек. В Лондоне, когда мы снимали «Громобоя» (фильм 2006 года с участием Рурка — Esquire), ко мне подошел один пьяный чувак и сказал: «Микки Рурк! Я тебе так скажу: ты стал сам похож на своих гребаных собачонок!» Я ничего не сказал этому мудаку. Похоже, его главная проблема — это чертовски маленький пенис.

— Когда я говорю «пидор», я не пытаюсь никого унижить. Для меня «пидор» — это как «заводной дровичла». Я не боюсь говорить «пидор». В жизни не буду осторожничать только из-за того, что какой-то чувачок, видишь ли, может оскорбиться, если я скажу «пидор». У меня есть друзья и среди геев. Мы часто перекидываемся этим словом. Так что если я захочу сказать «пидор», я, вашу мать, скажу «пидор». А если у кого-то проблемы со словом «пидор», пускай поцелует меня промеж ягодиц.

— Должен констатировать, что несколько ребят получили Оскары за те роли, от которых я отказался.

— Люди полагают, что я жру наркотики, размахиваю кулаками и все такое. Похоже, они думают, что по ночам у меня вырастают рога и хвост.

— В современном кино уровень насилия поднят очень высоко — выше уже нельзя. Когда я смотрю фильмы с Клинтом Иствудом

или со Стивом МакКвином (американский актер, получивший признание за роли антигероев — Esquire), я понимаю, что это кино скорее об искуплении. А сейчас насилие в кино появляется только ради насилия.

— Кинобизнес — это куча конского говнища. Все это иллюзия. Я знал ребят, которые были отличными актерами, но у них никогда не было работы. Я знал ребят, которые были настоящими звездами, но они даже не смогли бы сыграть говорящую какашку на детском утреннике. Тат что у меня нет никакого уважения к кинобизнесу. Я уважаю только те доллары, которые мне платят.

— Женщина гораздо сильнее мужчины. Когда женщина говорит «все, хватит», это значит «все, хватит». Мужчина всегда будет валяться у нее в ногах в надежде вернуть. Я валялся. И почему-то счастлив.

Люди очень боятся тишины. До усрачки боятся, потому что не знают, что она означает. А я люблю тишину. Она идет людям на пользу.

— **Возвращение — хорошее слово, чуваки. ♦**

Рем Колхас

Источник:

<http://www.the-village.ru/flows/people-talking/posts/106555-kolhaas>

Архитектор Рем Колхас рассказал о сохранении исторического облика городов, культурном наследии и особенностях архитектуры Москвы

В конце прошлого года в «Сколково» прошел общественный форум «Москва: Экономика Реинкарнации», в котором приняли участие общественная организация «Архнадзор», электронная газета The Village и специалисты в разных областях, от архитектуры до аналитики. Все участники форума искали ответ на главный вопрос — «почему не выгодно рушить Москву?» Специально для форума Марина Хрусталева поговорила с Ремом Колхасом об архитектурном наследии. The Village приводит выдержки из этого разговора.

— Я начал интересоваться наследием много лет назад не просто потому, что я люблю старые вещи. Наследие — неотъемлемое условие качества городской среды. И я обнаружил, что профессия архитектора — очень странная вещь: или вы строите новое, или вы занимаетесь старым. Неожиданно выяснилось, что эти занятия находятся в подлинной оппозиции. Чем я сейчас занимаюсь — я пытаюсь понять, как эта оппозиция может перестать существовать.

— Если бы архитекторов учили взаимодействовать с городской средой, они стали бы гораздо более продуктивными. Наследие могло бы внести более весомый вклад в сегодняшнюю жизнь. По-моему, у слова «сохранять» есть два значения: «сберечь» и «делать что-то не совсем частью нашей жизни», и это

кажется не очень здоровым подходом. На самом деле, смыслом сохранения наследия должно стать ясное понимание о том, как позволить памятникам остаться живыми.

— В Москве наследие не является частью осмысленной городской философии. Но в действительности это город, где каждый квадратный метр наполнен поистине поразительными вещами. И это не всегда поразительно красивые вещи, или поразительно изысканные вещи, или поразительно нежные. Часто поражает уже то, каким образом эти разные вещи сосуществуют. Вчера мы были в доме Наркомфина и в гостинице «Украина», они почти соседи, но это совершенно разные миры. И я думаю, в этом суть уникальности Москвы — это настоящий каталог разных, совершенно разных миров: средневековый мир; мир XIX века — замечательные неоклассические особняки, мне они очень нравятся; сталинский мир, мир авангарда, мир современной коммерции. Эти миры действительно сосуществуют, взаимно вдохновляя друг друга. Очевидно, что вам необходимо сберечь каждый фрагмент этой сложной вселенной.

— Я бы назвал Москву «плавильным котлом архитектуры» или «лабораторией архитектуры». Лаборатория, со всей ее жизненной активностью и всей ее неопределенностью.

— Я собираюсь провести здесь год, и этот год только начинается. Мне не очень легко сейчас давать точные формулировки и рекомендации. Но я бы сказал так: на протяжении последних десяти лет я видел, как деградировала Москва. Я надеюсь, что деградация сменится интеллектуальным подходом. Это было бы редкой удачей.♦

Саймон Оксли

Источник:

<http://www.designonstop.com/webdesign/interview/intervyu-s-simon-oxley-illyustratorom-sozdavshim-ptichku-dlya-twittera.htm>

Simon Oxley – британский иллюстратор и дизайнер, живущий в Японии. Там он возглавляет собственную студию дизайна. Самые его известные работы – это логотип для iStockphoto и всем известная птичка для Твиттера. Все его творения отличаются простотой и лаконичностью. Корреспонденты из Tutsplus порадовали нас интервью с этим самобытным дизайнером.

— Расскажите немного о себе.

— Мне 40 лет, я живу и работаю в Японии вместе со своей женой Noriko и двумя сыновьями Tyler, 6 лет и Hagen, 4 года. Последние 7 лет я занимаюсь фрилансом, моими клиентами здесь являются многие японские корпорации. Также я продаю свои работы на открытках и постерах в Лондоне, Мельбурне и Лос-Анджелесе.

— Как вы стали дизайнером?

— Я с детства любил рисование. А последующие успехи в этом деле заставили меня серьезно заняться этим видом деятельности. Я начал работать в одной небольшой компании, которая занималась производством компьютерных игр. Так я стал дизайнером.

— Хотелось бы узнать о птичке для Твиттера. Как появился этот рисунок. Вы предполагали, что он станет таким популярным.

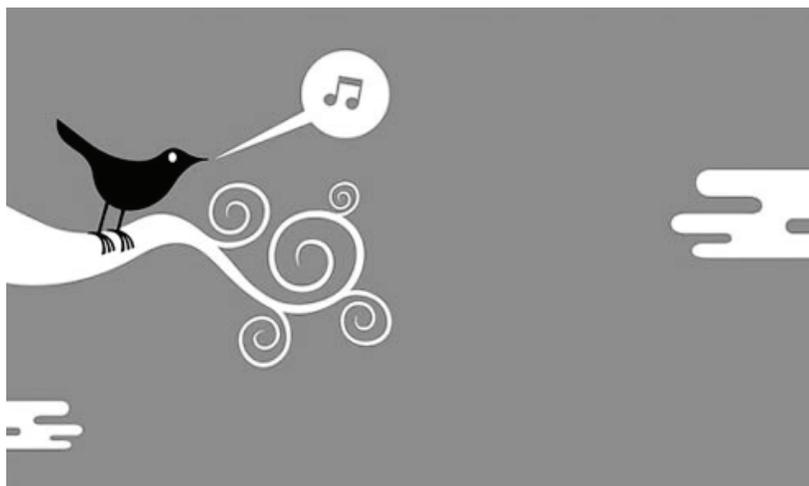
— Я уже точно не помню, почему я нарисовал эту птичку. Я загрузил рисунок на iStockphoto и продолжил работать дальше. Именно на iStockphoto эта птичка и была куплена для логотипа за небольшую сумму. Конечно, я не предполагал, что она станет настолько известной.

— Хотя Твиттер птичка не является официальным логотипом, она уже стала раскрученным брендом. Но вам это не принесло никаких дивидендов. Вас не смущает такое положение дел?

— Пусть я не обогатился с помощью этой птички, меня такое положение вещей не смущает. Я отношусь к этому философски. Конечно, было бы великолепно, если бы я был упомянут как создатель птички на самом сервисе, но нет, так нет. Тем более, они не обязаны этого делать. Я вижу, как Твиттер нравится людям, и я рад, что в этом есть и часть моей заслуги. Ко всему прочему, The Washington Post опубликовало статью про Твиттер птичку и обо мне. Так что, в конечном счете это положительно сказалось на моих делах и моем творчестве.

— Где вы находите идеи для своих иллюстраций? В чем вы черпаете вдохновение?

— О, на этот вопрос невозможно однозначно ответить. В самой жизни, в своих воспоминаниях. Во многих вещах.

— Расскажите о вашем творческом процессе. Вы рисуете на бумаге или сразу на компьютере? Какими инструментами вы пользуетесь?

— Для работы я использую программу Adobe Illustrator CS2. Но я всегда держу под рукой лист бумаги и карандаши, чтобы сразу зарисовать возникшую идею. Когда я начинаю работать, я еще не знаю, как должен выглядеть рисунок. Это рождается в процессе творчества. Иногда это получается быстро, иногда не очень.

— Какие еще значимые проекты были в вашей творческой биографии? Расскажите о вашем опыте работы с iStockphoto и Coca Cola.

— Я сотрудничал с iStockphoto еще в 2005 году, когда они только начинали. Я знал нескольких сотрудников и получил от них задание сделать лого и несколько иконок. А что касается Coca Cola, то я работал с агентством Rock and Roll в Брюсселе. Они специализируются на музыкальных постерах.

— У вас большой опыт стокового иллюстратора. Как нужно правильно работать с сайтами типа iStockphoto, чтобы достичь успеха в этом деле?

— Советы... Мне, наверное, просто повезло и я сразу нашел свою нишу. У меня не было конкретного плана, как работать с контент стоками. Я просто делал различные рисунки. Иногда представлял одну тему в разных версиях. Сразу не скажешь, какое из них будет пользоваться успехом. Рынок разнообразен и многокультурен. Так что возможность найти своего покупателя есть всегда.

— Над чем вы сейчас работаете? Есть ли что-то, о чем вы мечтаете?

— Сейчас я рисую персонажей для нескольких брендов. Также не забываю тему с открытками и постерами из моих работ, которые у меня заказывают небольшие магазинчики. А мечта... Я бы хотел больше путешествовать с семьей и купить дом с большим садом, чтобы выращивать овощи. А в творческом плане меня все устраивает, как есть сейчас.

— Что вам нравится и что не нравится в индустрии веб-дизайна?

— Я люблю смотреть на рисунки людей, люблю слушать музыку, написанную людьми, смотреть спортивные передачи. На мой взгляд, индустрия дизайна не существует отдельно от других аспектов жизни. Поэтому, когда я смотрю на сайты или выставку работ, я смотрю на них, как если бы я смотрел на все другие вещи в моей жизни.

— Как вам жизнь в Японии? Скучаете ли вы по Англии?

— Да, я немного скучаю по моему родному городу, по воздуху, по сельской местности, по отношениям. Но я хорошо чувствую себя и в Японии, хотя это совсем другая Вселенная. Единственное, что еще не очень силен в японском языке. А в остальном в Японии есть все условия для долгой и счастливой жизни.

— Что вы делаете для того, чтобы подзарядить свои креативные батарейки?

— Я иду на пляж, в лес, плаваю, играю в теннис, гольф, читаю книги, общаюсь с семьей и друзьями, играю с детьми, смотрю как они рисуют, готовлю еду, пью пиво и вино, просто смеюсь над чем-нибудь.

— Какой бы совет вы дали начинающим дизайнерам и художникам?

— Нет, советов я давать не буду. Во-первых, он может быть просто ошибочным. А во-вторых, у каждого свой путь. ♦

Interviewer

3/2011

<http://interviewer.morochkovsky.ru/>